

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ под редакцией и с критико-биографическим
очеркомъ А. М. Скабичевскаго и с приложениемъ портрета Шеллера.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ Приложение къ журналу "Нива" за 1904 г. //Издание А. Ф.
МАРКАСА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1904
FB2: "rvvg ", 02 July 2015, version 1.0
UUID: F97BDD3A-820A-4E3B-929F-DC0C13E4FE65
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Константинович Шеллер- Михайлов

Письма человека, сошедшего с ума

ШЕЛЛЕР, Александр Константинович, псевдоним — А. Михайлов (30.VII(11.VIII).1838, Петербург — 21.XI(4.XII).1900, там же) — прозаик, поэт. Отец — родом из эстонских крестьян, был театральным оркестрантом, затем придворным служителем. Мать — из обедневшего аристократического рода.

Ш. вошел в историю русской литературы как достаточно скромный в своих идейно-эстетических возможностях труженик-литератор, подвижник-публицист, пользовавшийся тем не менее горячей симпатией и признательностью современного ему массового демократического читателя России. Декларативность, книжность, схематизм, откровенное морализаторство предопределили резкое снижение интереса к романам и повестям Ш. в XX в.

Содержание

#1	0005
I Письмо къ неизвѣстной мнѣ молодой матери	0007
II Письмо къ бывшему другу	0028
III Письмо къ доктору	0049
IV Письмо безъ заголовка	0064

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ
Письма человека,
сошедшего съ ума

На-дняхъ я получилъ слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь!

„Просматривая ваши очерки, я замѣтилъ, что васъ интересуютъ лица съ парадоксальнымъ складомъ ума. Это навело меня на мысль послать къ вамъ прилагаемыя при этой запискѣ письма. Эти письма написаны человекомъ, недавно отправленнымъ въ сумасшедшій домъ и потомъ покончившимъ съ собою; я не знаю, когда писалъ онъ свои письма: до своего сумасшествія или уже во время своего умопомѣшательства. Я знаю только одно, что эти письма затрогиваютъ живые вопросы довольно оригинально и не лишены любопытныхъ парадоксовъ: они являются интереснымъ памятникомъ нашего времени, когда развитое большинство блуждаетъ впотьмахъ и сходитъ съ ума отъ проклятыхъ вопросовъ или, махнувъ рукой на эти вопросы, идетъ на торную дорожку наживы, подлостей и паденія, заботясь уже исключительно о своей шкурѣ. Просматривая эти письма, я вспомнилъ о васъ: можетъ-быть, вы можете ими воспользо-

ваться.

„Примите увѣреніе...“ *и проч.*

Я прочиталъ присланныя мнѣ при этой запискѣ письма и рѣшился напечатать нѣкоторыя ихъ нихъ.

Письмо къ неизвѣстной мнѣ молодой матери

Милостивая Государыня!

Я не имѣю удовольствія знать ни вашего имени, ни вашего званія, ни вашего общественнаго положенія. Судьба свела меня съ вами совершенно случайно въ вагонъ желѣзной дороги. Мы разговорились отъ скуки объ одномъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ: о воспитаніи дѣтой. Я приласкалъ вашего маленькаго, наряднаго, какъ куколка, сынишку и спросилъ, какъ думаете вы воспитывать его, къ какой дѣятельности надѣетесь его подготовить. Вы сказали, что вамъ крайне трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, что вы еще стоите на распутьи въ этомъ дѣлѣ, и замѣтили мнѣ, что вы желали бы только одного, чтобы вашъ мальчикъ былъ счастливъ и выросъ умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ. Конечно, не мнѣ было спорить съ вами о томъ, что именно все это желательно для каждаго человѣка. Но,

разставшись съ вами, я глубоко и не безъ горечи задумался о вашемъ желаніи, и мнѣ пришло въ голову, что вы очень легко можете погубить счастье своего прелестнаго дитяти, если вамъ дѣйствительно удастся сдѣлать его умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ. Этихъ качествъ, можетъ-быть, было бы достаточно для счастья и блага человѣка въ какія-нибудь первобытныя времена, но въ наше время эти качества являются обоюдоострымъ оружіемъ и скорѣй служатъ источникомъ несчастій, чѣмъ счастья, если человѣкъ не будетъ умѣть распорядяться ими. Вотъ почему, желая всего лучшаго вашему милому мальчику, я рѣшился: высказать вамъ въ письмѣ нѣкоторыя мысли, которыя вы не должны упускать изъ виду, воспитывая своего ребенка; если только вы желаете ему счастья.,

Представьте себѣ, что вы вполне разовьете умственныя способности своего мальчика и научите его понимать все то, что происходитъ вокругъ него: не увидитъ ли онъ въ мірѣ больше зла, чѣмъ добра, больше страданія, чѣмъ радостей, больше, вражды,

чьмъ любви, и не сдѣлается ли это открытіе дня него источникомъ страданій, когда онъ будетъ видѣть недуги челоуѣчества, но не будетъ имѣть силъ исцѣлить эти недуги? Вы можете сдѣлать своего мальчика добрымъ, но оставите ли вы ему состояніе Креза или дадите ли ему умънѣе наживать столько денегъ, сколько наживаютъ Ротшильды, Поляковы, Варшавскіе, Гинцбурги, Громовы, Розентали? Если нѣтъ, то что можетъ выйти изъ его доброты? Встрѣчая на каждомъ шагу бѣдняковъ, притѣсненныхъ, эксплуатируемыхъ, брошенныхъ и голодныхъ, онъ будетъ или безпомощно плакать объ этихъ несчастныхъ, или будетъ отдавать имъ послѣднюю рубашку, послѣдній грошъ и затянется въ работъ, преждевременно сгубивъ себя, принеся въ сущности очень мало пользы ближнимъ и видя, что число голодныхъ все растетъ и растетъ. Вы сдѣлаете его честнымъ. Но позвольте васъ спросить: какъ долженъ будетъ поступить честный челоуѣкъ, когда ему предложить, на примѣръ, мѣсто директора какого-нибудь акціонернаго общества съ тридцатью тысячами жалованья? Долженъ ли онъ

брать это жалованье, когда, съ одной стороны, акціонеры кричатъ о томъ, что ихъ грабятъ правленіе этого общества, а съ другой, конторщики того же общества жалуются, что они съ семьями гибнутъ отъ голода, получая изъ отпускаемыхъ на правленіе суммъ только по сорока или по пятидесяти рублей жалованья за тяжелую черную работу? Долженъ ли честный человѣкъ, гдѣ бы то ни было, смотрѣть сквозь пальцы, когда его сослуживцы будутъ брать взятки, или расхищать казенныя деньги, или производить какія-нибудь продѣлки, въ родѣ поставки гнилого товара, печенья солдатскихъ сухарей съ пескомъ и т. д.? Вы скажете, что честный человѣкъ не долженъ брать у какого-нибудь акціонернаго общества за свой трудъ мошеннически чрезмѣрной платы, лежащейся бременемъ на членовъ этого общества и на низшихъ служащихъ, и также не долженъ потакать ворамъ, смотря на нихъ сквозь пальцы, но въ такомъ случаѣ, вашъ сынъ никогда не найдетъ себѣ нигдѣ мѣста и будетъ способенъ сдѣлаться развѣ только какимъ-нибудь стрѣлочникомъ на желѣзной дорогѣ, такъ ка-

къ стрѣлочники, хотя отъ нихъ и зависитъ участь каждаго поѣзда, получаютъ не тридцатитысячные оклады, а двѣнадцатирублевое жалованье, но зато въ то же время имѣютъ счастье стоять совершенно особнякомъ отъ всего людского общества и, такимъ образомъ, не принимаютъ участія ни въ разграбленіи общественныхъ кассъ, ни во взяточничествѣ, ни въ мошенническихъ поставкахъ. Но, вѣроятно, вы не такой судьбы желаете своему сыну, стремясь сдѣлать его честнымъ и въ то же время счастливымъ. Вы говорите, что вамъ хочется сдѣлать его правдивымъ — прекрасно. Но если его друзья, его товарищи, его начальники будутъ говорить ложь и будутъ даже ссылаться на него, какъ на свидѣтеля, то долженъ ли онъ будетъ поступиться своею правдивостью? Если вы не желаете сдѣлать его врагомъ всѣхъ, то онъ долженъ будетъ въ извѣстныхъ случаяхъ поступаться своею правдивостью. Но гдѣ же границы этихъ отступленій отъ правды? Да, милостивая государыня, желая сдѣлать изъ своего сына умнаго, добраго, честнаго я правдиваго человѣка, вы легко можете сдѣлать его не счастливымъ,

а несчастнымъ челоѡкомъ.

Но это не все.

Вполнѣ счастливыхъ людей вообще мало на свѣтѣ, и вы можете сказать, что для честнаго челоѡка спокойная совѣсть дороже безграничнаго счастья, которое въ сущности есть мечта, химера. Но будетъ ли спокойна совѣсть у вашего сына въ томъ положеніи, которое вы готовите ему? Въ настоящее время, чѣмъ умнѣе челоѡкъ, если онъ при этомъ добръ, честенъ и правдивъ, тѣмъ менѣе спокойна его совѣсть: такой челоѡкъ постоянно мучится угрызеніями совѣсти, сознавая, что онъ дѣлаетъ далеко не все то, что нужно дѣлать для пользы челоѡка; онъ постоянно упрекаетъ себя за то, что онъ не сумѣлъ вовремя спасти ближнихъ, что онъ не предотвратилъ какого-нибудь зла, что онъ не всталъ въ защиту какого-нибудь дѣла, убоявшись несмѣтнаго числа своихъ противниковъ; онъ долженъ быть или вѣчно бездѣйствующимъ и вѣчно мучающимся тревогами совѣсти Гамлетомъ, или идущимъ на вѣрную гибель и потому не приносящимъ въ сущности никакой пользы Донъ-Кихотомъ. Подумайте хоро-

шенько, и вы увидите, что совѣсть можетъ быть спокойна у добраго человѣка только тогда, когда онъ рождается бѣднякомъ и умретъ нагой и лишенный крова подъ заборомъ голодною смертью; въ противномъ случаѣ онъ будетъ или не добрымъ человѣкомъ, или онъ будетъ ощущать угрызенія совѣсти, уничтожая лакомый кусокъ хлѣба, когда около него будутъ люди, не имѣющіе вовсе куска хлѣба. У честнаго человѣка совѣсть можетъ быть спокойна только тогда, когда онъ будетъ не только самъ поступать честно, но когда онъ будетъ и громко проповѣдывать честность вездѣ и преслѣдовать всѣ нарушенія честности другими, а это будетъ стоить ему лишенія всѣхъ средствъ къ жизни, разрыва со всѣми близкими, голодной смерти, и потому онъ, въ концѣ-концовъ, можетъ-быть, поступитъ своею честностью и будетъ опять-таки мучиться угрызеніями совѣсти. То же случится съ нимъ, если онъ будетъ вполнѣ правдивымъ человѣкомъ.

Всѣ эти мысли были вызваны вашими словами о томъ, какимъ человѣкомъ вы желаете сдѣлать своего сына. Я счелъ небезполезнымъ

сообщить вамъ эти мысли и заставить васъ призадуматься надъ этими вопросами. Но не подумайте, пожалуйста, что, сообщая вамъ свои соображенія, я хочу сказать вамъ, что вы должны сдѣлать изъ своего сына глупаго, злого, безчестнаго и лживаго человѣка. Нѣтъ, я думаю только, что при настоящемъ положеніи общества вамъ, какъ матери, заботящейся о счастіи своего ребенка, будетъ нужно сдѣлать своего ребенка не просто умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ человѣкомъ, а человѣкомъ, умѣющимъ въ мѣру быть умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ.

Если вы дѣйствительно страстно желаете своему сыну счастія и спокойной совѣсти, то вы должны принять на себя не малый трудъ и сдѣлать слѣдующее:

Продолжайте стараться, чтобы вашъ ребенокъ былъ всегда красивъ и милъ, какъ онъ красивъ и милъ теперь. Если бы онъ даже и не былъ хорошенькимъ мальчуганомъ, то придать ему извѣстную привлекательность и миловидность не трудно; одѣвайте его хотя и просто, но всегда со вкусомъ, завивайте ему

всегда волосы и причесывайте ихъ такъ, чтобы эта прическа была ему къ лицу; обнажайте ему долго, какъ вы обнажаете ему и теперь, шейку и ножки, если онъ будутъ долго красивы; однимъ словомъ, сдѣлайте все, чтобы каждая женщина и каждый мужчина, видя его, любовались имъ и говорили: «какое прелестное дитя!» Научите его при этомъ быть вѣжливымъ и развязнымъ, но отнюдь не навязчивымъ; пусть онъ привыкаетъ къ поцѣлуямъ и ласкамъ постороннихъ людей и не дичится даже тогда, когда его будетъ ласкать и цѣловать какая-нибудь отвратительная старуха, или совсѣмъ изношенный старикашка. Покровительство взрослыхъ вообще можетъ оказать въ будущемъ пользу дѣтямъ, а покровительство старухъ и стариковъ важно въ особенности. Бывали случаи, что старые люди оставляли даже свое наслѣдство въ пользу тѣхъ дѣтей, которыя имъ понравились и которыя не противились ихъ ласкамъ. Если вашъ ребенокъ будетъ одѣтъ и причесанъ безъ вкуса, если онъ будетъ вести себя сорванцомъ, если онъ будетъ надоѣдать взрослымъ или дичиться ихъ, то его едва ли бу-

дуть любить, ему едва ли будутъ покровительствовать, его едва ли будутъ защищать отъ несправедливостей другихъ дѣтей, отъ притѣсненій учителей, отъ житейскихъ невзгодъ. Удача ждетъ только хорошенькихъ, чистенькихъ, вѣжливыхъ и притомъ скромныхъ дѣтей. Сдѣлать такимъ своего сына вы можете смѣло, такъ какъ въ этомъ случаѣ вы не сдѣлаете ничего такого, за что васъ могла бы упрекнуть ваша совѣсть. Опредѣляя своего ребенка въ училище, позаботьтесь внушить ему, чтобъ онъ уважалъ учителей, любилъ товарищей, прилежно занимался ученьемъ и не думалъ бы ни о чемъ, что не касается его лично: иногда въ школахъ дѣти ропщутъ на учителей за неправильно поставленные баллы, — но если вашъ сынъ будетъ съ уваженіемъ относиться къ учителямъ и учиться прилежно, то ему не поставятъ дурныхъ балловъ, о баллахъ же другихъ дѣтей онъ не долженъ заботиться, такъ какъ это не его дѣло; если въ школѣ его будутъ дурно кормить, то посоветуйте ему не протестовать противъ эконома, — привезите ему лучше чего-нибудь поѣсть изъ дома, или пусть онъ

привыкаетъ и къ дурной пищѣ, но не протестуетъ, такъ какъ изъ-за такихъ пустяковъ, какъ дурная пища, онъ можетъ испортить свою репутацію, не исправивъ въ то же время пищи, тогда какъ рисковать своими удобствами можно только тогда, когда изъ этого выйдетъ какая-нибудь польза; бываютъ случаи, что въ школѣ весь классъ отказывается отвѣчать урокъ, — въ этихъ случаяхъ посоветуйте своему сыну заявить протестъ товарищамъ, пусть онъ объявитъ имъ, что только лѣнтяи могутъ отказываться отъ урока, пусть онъ подѣйствуетъ на самолюбіе товарищей, и если они все-таки не согласятся отвѣчать урокъ, то пусть онъ заявитъ имъ прямо, что онъ ни въ какомъ случаѣ не станетъ на ихъ сторону, хотя бы они его побили, такъ какъ лучше пострадать за правду, чѣмъ уронить себя въ глазахъ учителей и показать, что онъ и лѣнивъ, и способенъ не исполнять приказанія старшихъ. Лучше всего было бы для вашего сына, если бы онъ нашелъ въ школѣ какихъ-нибудь богатыхъ товарищей, у которыхъ есть частные учителя. Держа себя съ этими товарищами ровно, искренно и

ласково, онъ могъ бы сдѣлаться ихъ другомъ и пользоваться бесплатно въ ихъ домахъ приватными уроками, которые необходимы, если ребенокъ хочетъ нынче кончить курсъ ученія, такъ какъ безъ частныхъ уроковъ нечего и думать, не будучи исключеніемъ изъ общаго правила, дойти успѣшно до конца въ гимназіяхъ или въ училищахъ съ гимназическимъ курсомъ; вступаетъ въ эти заведенія сотня дѣтей, а кончаетъ въ нихъ курсъ едва ли десятокъ, и потому нужно сдѣлать все возможное, чтобы быть не въ числѣ девяноста изгнанныхъ, а въ числѣ десяти избранныхъ. Не бойтесь, что ему придется унижаться передъ богатыми товарищами: если онъ будетъ чисто и красиво одѣтъ, если онъ будетъ заботиться о своей внѣшности, если у него будутъ мягкія манеры, если вы его научите бойко и красно говорить, то онъ, не унижаясь, сдѣлается другомъ этихъ богатыхъ товарищей и проникнетъ въ ихъ семьи, а тогда ему уже будетъ не трудно упрочить свое положеніе въ ихъ домахъ, такъ какъ родители богатыхъ дѣтей сумѣютъ оцѣнить его скромность, прилежаніе и порядочность. Онъ

можетъ сдѣлаться любимчикомъ въ этихъ домахъ, не кривя душой и не заискивая, потому что можно быть честнымъ и самолюбивымъ человекомъ и все-таки сумѣть понять, что нужно поднять съ пола платокъ, если его уронить почтенный старикъ или почтенная старушка. Сумѣйте указать своему мальчику именно ту границу, гдѣ кончается полная достоинства вѣжливость и гдѣ начинается низкопоклонное лакейство, и сдѣлайте его полнымъ сознанія собственнаго достоинства, вѣжливымъ человекомъ, котораго будутъ цѣнить всѣ, и предостерегите его отъ низкопоклоннаго лакейства, которое внушаетъ отвращеніе всѣмъ. Вы видите, я предлагаю вамъ путь, отъ котораго не будетъ отвращать васъ ваша совѣсть. Если вамъ угодно будетъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, то вся задача воспитанія вашего сына сведется на одно простое правило: старайтесь сгладить всю шероховатость, всѣ неровности, всякую угловатость, какъ въ его характерѣ, такъ и въ его внѣшности. Пусть онъ ѣстъ и спитъ вволю, чтобы быть кругленькимъ и розовенькимъ, пусть онъ танцуетъ и упражняется гимнасти-

кой, чтобъ быть ловкимъ и развязнымъ, пусть онъ пойметъ, что въ людяхъ есть много неизбѣжныхъ недостатковъ, а въ міръ много непреодолимаго зла, чтобы не кипятиться попусту, прощать многое, смотрѣть сквозь пальцы на то, что покуда неисправимо. Все это придастъ ему бодрый видъ и дастъ ему спокойное расположеніе духа. При поступленіи его въ высшее учебное заведеніе вы можете не бояться за то, что онъ впутается въ какую-нибудь скверную и безтактную исторію: приученный заниматься своимъ дѣломъ, а не посторонними дѣлами, привыкнувшій сознавать, что въ міръ есть много недостатковъ, и не кипятиться напрасно изъ-за того, что покуда не поправимо, онъ будетъ застрахованъ отъ разныхъ важныхъ увлеченій молодости, которыя очень часто губятъ въ самомъ началѣ карьеру и счастье молодыхъ людей, не принося въ сущности никому никакой пользы. Но при этомъ я посоветую вамъ напомнить вашему сыну о томъ, что и профессора — люди съ извѣстными недостатками и слабостями: они иногда несправедливо относятся къ учащимся, если тѣ не сумѣютъ вы-

ставить себя сразу въ выгодномъ свѣтѣ. Вотъ почему посоветуйте своему сыну садиться постоянно на первую скамью, не пропускать ни одной лекціи, спрашивать почаще совѣтовъ и указаній у профессоровъ, чтобы они, въ теченіе учебнаго года, привыкли къ фізіономіи вашего сына, чтобы они убѣдились, что онъ не билъ баклушъ: тогда на экзаменахъ ему будетъ легче отвѣчать, если онъ даже и плохо будетъ знать свой предметъ. Если ему удастся познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ профессоровъ — это будетъ лучше всего: знакомство съ умными и учеными людьми можетъ принести ему только пользу. Постарайтесь внушать ему, когда ему придется поступить на службу, что онъ долженъ будетъ служить честно, такъ какъ за подлости наказываетъ законъ, но въ то же время разъясните ему, что не его дѣло выводить на свѣжую воду тѣхъ изъ его сослуживцевъ, которые дѣлаютъ подлости, такъ какъ обличать ихъ и преслѣдовать — это дѣло закона и поставленныхъ закономъ властей. Разъясните ему также, что честность очень растяжимое понятіе и потому нужно посту-

пать очень осторожно, чтобы съ одной стороны не сдѣлать подлостей, а съ другой — не быть Донъ-Кихотомъ: человекъ, получающій жалованье или плату за трудъ, хотя бы это жалованье или эта плата дошли до сотни тысячъ въ годъ, остается честнымъ, если онъ получаетъ эти деньги на законномъ основаніи; человекъ же, взявшій одинъ казенный листъ бумаги въ свою пользу, перестаетъ уже быть честнымъ и является воромъ; человекъ, платящій работающимъ на него людямъ самую ничтожную плату, остается честнымъ человекомъ, если эти люди добровольно условились работать за эту плату; человекъ же, не додавшій, вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, работающимъ на него людямъ хотя рубль, есть человекъ нечестный, хотя бы онъ и платилъ этимъ людямъ обыкновенно баснословно большія деньги; говоря проще и короче, вы должны внушить своему сыну, что все то честно, что законно, за то никакой судъ присяжныхъ не можетъ приговорить къ наказанію человека. Касаясь вопроса о правдивости, вы должны замѣтить своему сыну, что правда должна быть во всѣхъ его

словахъ, что онъ не долженъ лгать, что ложью недалеко уйдешь, но въ то же время вы должны объяснить ему, что уличать во лжи другихъ людей — это значить вредить себѣ и имъ. Люди лгутъ часто, но кто же возложить на васъ обязанности полицейскихъ въ отношеніи въ нашимъ ближнимъ? Уличать, выводить на свѣжую воду, все это не только не наше дѣло, но это даже возмутительно съ извѣстной точки зрѣнія, — поступая такъ, человекъ играетъ роль какого-то шпиона и доносчика. Нѣтъ, мы должны отвѣчать только за себя, за свою искренность, а другіе могутъ и лгать, и обманывать, и отвѣчать за это передъ судомъ своей совѣсти. Относясь такимъ образомъ снисходительно къ ближнимъ, умный, честный человекъ будетъ всегда спокоенъ, онъ будетъ сознавать, что онъ не только уменъ, честенъ и правдивъ, но и добродушенъ, что онъ смотритъ съ состраданіемъ на чужіе пороки и ошибки, что онъ не играетъ самозванно роли строгаго и беспощаднаго судьи, что онъ не является непрошено причиной гибели своихъ ближнихъ, что онъ не трогаетъ ихъ, пока ихъ не покараетъ законъ

людской и Божескій. Подобное сознание сильно укрѣпляетъ спокойствіе совѣсти въ человѣкѣ и дѣлаетъ его благодушнѣе; при такомъ состояніи духа онъ охотно является даже помощникомъ и благодѣтелемъ ближнихъ, если у него есть на это излишнія деньги. Я говорю: «если у него есть излишнія деньги», потому что вы должны внушать своему сыну одно неизмѣнное правило относительно доброты: быть добрымъ, не значитъ быть расточителемъ. Если человѣкъ добръ, то онъ охотно помогаетъ ближнимъ, но помогать ближнимъ онъ долженъ только настолько, чтобы не лишать себя необходимаго, въ противномъ случаѣ онъ самъ будетъ терпѣть недостатки, запутаетъ свои собственныя дѣла, потеряетъ хорошее расположеніе духа, разстроитъ свое здоровье, — а это ведетъ къ озлобленію, къ потерѣ добродушія, къ утратѣ мягкаго взгляда на людей: благотворить до конца жизни можетъ только тотъ, кто спокоенъ за свое будущее, кто доволенъ своею судьбою, кто вполне счастливъ, вотъ почему въ интересахъ самихъ бѣдняковъ нужно ограничивать въ себѣ ту неразумную страсть помогать

направо и налѣво, которою отличаются многіе недалекіе добряки, превращающіеся подѣ конецъ жизни нерѣдко въ нищихъ и мизантроповъ. Не забудьте разъяснить все это своему мальчику, если вы хотите, чтобы онъ былъ счастливъ. Мнѣ очень досадно, что я не могу коснуться мелочей и подробностей той системы воспитанія, которой должны вы держаться, если вамъ хочется, чтобы вашъ сынъ, оставаясь умнымъ, добрымъ, честнымъ и правдивымъ, былъ счастливъ и спокоенъ совѣстью. Рамки моего письма не позволяютъ мнѣ слишкомъ распространяться, а между тѣмъ условія современной жизни такъ запутанны и сложны, что въ немногихъ строкахъ нельзя начертить всего того плана, которому должна слѣдовать каждая мать, заботящаяся при воспитаніи своего ребенка о его будущемъ счастіи. Помните только одно, что вашему сыну придется жить, дѣйствовать и служить въ обществѣ, гдѣ есть мошенники и честные, радикалы и консерваторы, старики и молодежь, богачи и нищіе, начальники и подчиненные, среди которыхъ онъ долженъ лавировать такъ, чтобы не нажить себѣ враговъ,

если онъ не желаетъ погибнуть: человекъ, нажившій враговъ, какъ бы онъ ни былъ уменъ, добръ, честенъ и правдивъ, гибнетъ почти неизбежно, такъ какъ наши враги въ обществѣ бываютъ всегда дѣятельны, друзья же всегда бываютъ пассивны — они только сочувствуютъ, сожальютъ, вздыхаютъ, но не борются за погибающаго, боясь за свою собственную участь. Сражаясь одиноко съ массою враговъ, человекъ часто теряетъ вѣру въ людей, дѣлается озлобленнымъ, становится бесполезнымъ мизантропомъ и умираетъ брошенный и забытый всѣми, проклиная нерѣдко и умъ, и доброту, и честность, и правду.

Вотъ отъ чего придется вамъ спасти въ будущемъ своего ребенка, хотя, конечно, воспитывая его по намѣченному мною плану, вы не застрахуете его отъ какихъ-нибудь мелкихъ огорченій, въ родѣ того, что какой-нибудь грубый нахаль назоветъ его «ходячею мѣщанскою нравственностью». Въ жизни вѣдь нельзя прожить безъ мелкихъ неприятностей, и вы, какъ любящая мать, конечно, охотнѣе приготовите своему сыну эту

маленькую неприятность, чѣмъ несчастную судьбу челоуѣка, вѣчно гонимаго за умъ, за доброту, за честность, за правду.

Вы, можетъ-быть, спросите меня: готовлю ли я по этой системѣ своихъ дѣтей къ жизни? Я вамъ могу отвѣтить только одно: къ счастію, у меня нѣтъ дѣтей. Если бы у меня были дѣти, милостивая государыня, можетъ-быть, я счелъ бы необходимымъ научить ихъ, главнымъ образомъ, только одному — умънью вовсе не дорожить жизнью, ни счастливою, ни несчастною, и всегда спокойно идти навстрѣчу смерти; только съ этимъ умъньемъ можно, при современномъ положеніи общества, смѣло и бодро пройти избранной дорогой, но для этого, сударыня, нужны вовсе не локончики вашего мальчика и не его голенькія ножки съ кокетливой, шотландской юбочкой.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи къ вамъ, готовый къ услугамъ вашимъ.

Письмо къ бывшему другу

Другъ моей юности, нынѣ мой врагъ!

Начинаю этою некрасовскою строкою письмо къ тебѣ, во-первыхъ, потому, что она вполне характеризуетъ наши отношенія, а, во-вторыхъ, потому, что мнѣ, какъ человѣку, сходящему съ ума, постоянно при каждомъ новомъ событіи, при каждомъ новомъ явленіи вспоминаются какіе-то прочитанные когда-то стихи, изреченія, афоризмы и чаще всего твержу я теперь однѣ и тѣ же двѣ строки:

*Бывали хуже времена, —
Но не было подлѣй...*

Вчера впервые я не подалъ тебѣ своей руки, когда ты протянулъ мнѣ свою руку, на прощаньи, и тебѣ, можетъ-быть, покажется страннымъ, что уже сегодня я протягиваю тебѣ снова руку не только для простого рукопожатія, но для того, чтобы написать тебѣ длинное письмо. Въ подобныхъ случаяхъ пишутся обыкновенно только ругатель-

ныя или извинительныя письма. Первыя не читаются получателями, вторыя вызываютъ въ получателяхъ гадливое чувство къ пишущимъ. Въ моемъ письмѣ ты не найдешь ни ругательствъ, ни извиненій. Въ настоящее время я и порываю, и завязываю связи съ людьми совершенно равнодушно и каждый разъ при сближеніи или разрывѣ съ ними думаю: «это только на короткое время, потому что для меня скоро замолкнетъ и злоба, и любовь, такъ какъ я самъ замолкну для нихъ въ царствѣ вѣчнаго сна — въ царствѣ смерти или безумія». Я пишу тебѣ и другимъ, когда-то близкимъ мнѣ людямъ, просто потому, что мнѣ, сходящему съ ума человекъ, все еще кажется, что я могу остановить ихъ на проходимомъ ими пути, — перемѣнить полетъ пущенной изъ лука стрѣлы, остановить громовой ударъ, когда уже блеснула молнія. Эта безумная мысль позволительна, можетъ-быть, только мнѣ, но я крѣпко держусь за нее, какъ за послѣднее утѣшеніе, и продолжаю воображать, что мнѣ стоитъ только освѣтить передъ людьми ту пропасть, къ которой они стремятся, и они остановятся, сво-

ротятъ въ сторону и спасутъ себя. Они спасутъ себя и почему же? — потому, что имъ открылъ глаза сходящій съ ума человекъ! Впрочемъ, эта мысль не совсѣмъ безумная, такъ какъ какой-то мудрецъ сказалъ, что только безумцы спасали міръ и дѣлали перевороты въ умственномъ и нравственномъ направленіяхъ общества.

Мы никогда не ссорились съ тобою, до вчерашняго дня мы были друзьями; вчера тоже, повидимому, не произошло ничего особеннаго, и ты, можетъ-быть, крайне удивился, когда я не подалъ тебѣ руки. Ты, можетъ-быть, даже приписалъ мой поступокъ моему умственному разстройству и потому мнѣ нужно напомнить тебѣ всѣ мелочи вчерашняго дня...

— Тебѣ нужно бы отдохнуть мѣсяць, другой, разсѣяться, полѣчиться...

Ты сказалъ мнѣ эти слова вчера — сказалъ ихъ теплымъ, дружескимъ тономъ; на твоёмъ лицѣ отражалось чувство искренняго участія. Я могъ бы только поблагодарить тебя за этотъ совѣтъ, если бы онъ данъ былъ въ другое время, если бы я не зналъ, во имя какихъ принциповъ и убѣжденій давался онъ.

Но вспомни все, что предшествовало вчера твоимъ послѣднимъ словамъ, обращеннымъ ко мнѣ.

Вчера были открыты въ правленіи желѣзной дороги, гдѣ мы оба служимъ, крупныя злоупотребленія одного изъ директоровъ. Управляющій призвалъ насъ на совѣтъ и спросилъ, что намъ дѣлать.

— Изслѣдовать все дѣло и представить общему собранію подробный отчетъ объ этомъ мошенничествѣ,- сказалъ я.

Управляющій поблѣднѣлъ и съ ироніей замѣтилъ мнѣ:

— Вашъ совѣтъ очень простъ, но, къ сожалѣнію, онъ никуда не годится. Мы не должны подрывать кредитъ нашей желѣзной дороги въ общественномъ мнѣніи и предавать огласкѣ всякіе закулисные дразги.

— То-есть, мы должны прикрывать каждого мерзавца? — спросилъ я. — Это хорошій способъ расплодить негодяевъ!

Я говорилъ, по обыкновенію, прямо и рѣзко, и вовсе не думалъ о томъ, пріятно ли это нашему управляющему, но меня поразило выраженіе твоего лица: ты дѣлалъ мнѣ

какіе-то знаки глазами, какъ-будто старался остановить меня на полусловѣ. Я только потомъ вспомнилъ, что воръ-директоръ былъ родственникомъ нашего управляющаго, какъ и всѣ прочіе наши директора.

— Вы говорите такимъ тономъ, точно мы служимъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ воръ на ворѣ,- не безъ ѣдкости въ голосѣ сказалъ управляющій. — Но, не касаясь вопроса о томъ, насколько тактично съ вашей стороны такое мнѣніе, я долженъ вамъ сказать, что вашъ совѣтъ очень непрактиченъ, очень вреденъ именно для тѣхъ акціонеровъ, о пользѣ которыхъ вы такъ горячо заботитесь. Предать огласкѣ это дѣло, значитъ уронить кредитъ нашего общества, понизить цѣнность нашихъ бумагъ и дать случай биржевымъ спекуляторамъ раздуть скандалъ еще болѣе для полного паденія нашихъ бумагъ. Наши акціонеры, конечно, не выиграютъ отъ этого, а спекуляторы сумѣютъ нагрѣть руки. Вотъ къ чему приведетъ выполненіе вашего совѣта.

— А вы полагаете, что всего этого не случится, если мы домашнимъ образомъ зама-

жемъ это мошенничество? — спросилъ я. — Шила въ мѣшкѣ не утаишь и слухи все равно пройдутъ въ общество. Эти слухи, быть-можетъ, еще хуже повліяють на наши бумаги, чѣмъ откровенное и честное изложеніе всего дѣла съ нашей стороны передъ общимъ собраніемъ. Разница будетъ только въ томъ, что наша откровенность сложитъ съ насъ упрекъ въ солидарности съ негодяемъ, тогда какъ ваше молчаніе заставитъ считать и насъ причастными къ мошенничеству.

— Такъ вы вполне увѣрены, что въ нашемъ кружкѣ есть шпіоны и доносчики? — спросилъ съ насмѣшкой управляющій. — Я надѣюсь, что ихъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ между нами троими, за директоровъ же я ручаюсь, что это честные люди...

Онъ круто переѣнилъ разговоръ и минуту черезъ пять вышелъ съ тобою изъ моей комнаты.

Я не имѣю привычки подслушивать, но есть минуты, когда чужой разговоръ самъ собою долетаетъ до слуха, бьетъ по уху, заставляетъ застывать въ жилахъ кровь. Это случилось со мною вчера.

Я случайно зашелъ въ архивную комнату за справкой; комната была пуста; я отворилъ шкафъ и сталъ просматривать одно дѣло. Вдругъ до моего слуха долетѣли громкія, отрывистыя фразы управляющаго:

— Я нисколько не обижаюсь! — говорилъ онъ. — Мало ли грубіяновъ на свѣтѣ! Онъ пользуется своимъ исключительнымъ положеніемъ, которое далось ему знаніемъ дѣла, и потому ломается, оскорбляетъ...

Я замеръ на мѣстѣ; я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ; я считался лучшимъ дѣльцомъ въ правленіи, какъ не глупый человѣкъ среди дураковъ, какъ человѣкъ, бывшій въ университетѣ, среди выгнанныхъ за лѣность гимназистовъ, какъ хорошій работникъ среди праздныхъ тунеядцевъ. Меня заинтересовало, съ кѣмъ говоритъ управляющій, и я ждалъ отвѣта.

— Я васъ увѣряю, что онъ просто нездоровъ, разстроены, — слышался мягкій, вкрадчивый голосъ.

Это былъ твой голосъ.

— Нездоровъ! Разстроены! — желчно воскликнулъ управляющій. — Я тоже нездоровъ.

въ-съ, я тоже разстроень-съ, однакоже, я не говорю людямъ въ глаза: подлець, я не даю имъ нравственныхъ пощечинъ!..

— Я вамъ долженъ откровенно сознаться, что я замѣчаю въ немъ не простое нездоровье, — опять заговорилъ мяткѣй, вкрадчивый голосъ: — я просто боюсь въ послѣднее время за его умственныя способности...

— Мнѣ надо было уйти и не слушать дальѣе, но — прости мнѣ этотъ грѣхъ — я продолжалъ слушать, я уже ловилъ съ жадностью каждое слово. Впрочемъ, оно и понятно: я впервые услыхалъ, что даже близкіе ко мнѣ люди начинаютъ считать меня за сумасшедшаго.

— Вотъ какъ! — съ ироніей сказалъ управляющій. — Умъ за разумъ зашелъ!..

— Мнѣ грустно говорить объ этомъ, — съ чувствомъ произнесъ ты: — но я вижу по всѣмъ его поступкамъ, по всѣмъ разговорамъ, что онъ близокъ къ сумасшествію...

— Этого только недоставало, чтобы онъ въ сумасшествіи надѣлалъ чортъ знаетъ чего! — воскликнулъ управляющій.

— Ему нужно бы дать отпускъ, уговорить

его съѣздить на воды, дать ему значительное пособіе, — замѣтилъ ты.

— Теперь-съ намъ не отпуска нужны, а дѣльцы нужны, — сухо сказалъ управляющій.

— Дѣла можно и безъ него обдѣлать, — сказалъ ты. — Мнѣ даже кажется, что лучше бы было, если бъ онъ уѣхалъ на то время, когда мы изыщемъ средства потушить это при-
скорбное дѣло.

Слушая твой мягкій голосъ, слушая твои осторожныя фразы, я начиналъ убѣждаться, что я точно сумасшедшій: я называлъ кражу «мошенничествомъ», а ты нашелъ ей названіе «прискорбнаго дѣла»; я сразу вооружилъ противъ себя управляющаго, а ты незамѣтно мягко забиралъ его въ руки... Да, я безумецъ, и не мнѣ тягаться съ такими разумными людьми, какъ ты!

— Но какъ же потушить это дѣло? — воскликнулъ управляющій. — Я рассчитывалъ на него, онъ вѣдь всю нашу механику знаетъ, можетъ такъ составить отчеты...

— Я думаю, что я могъ бы попробовать это сдѣлать, такъ какъ я всегда помогалъ моему бѣдному другу въ составленіи отчетовъ, —

сказалъ ты. — Я, признаюсь вамъ, самъ возмущенъ этимъ случаемъ, намъ нужно сдѣлать большія усилія, чтобы подобные случаи не повторялись... но я вполне согласенъ съ вами, что для акціонеровъ выгоднѣе, если мы потушимъ это дѣло, вотъ почему я готовъ поработать надъ изысканіемъ средствъ, какъ все это поправить...

Я горько усмѣхнулся, услышавъ послѣднія слова. Я понималъ, что тебѣ еще гадко сознаться передъ самимъ собою въ томъ, что ты берешься сдѣлать подлость, и что потому ты стараешься оправдаться тѣмъ, что этою мерзостью ты приносишь пользу акціонерамъ.

Мнѣ стало скверно, тяжело, я ушелъ въ свою комнату. Я не могъ болѣе работать, меня мучило сдѣланное мною открытіе. Я теперь зналъ, что мнѣ дадутъ продолжительный отпускъ, что въ это время ты изобрѣтешь средства для того, чтобы замазать слѣды мошенничества, что именно это откроетъ новый путь къ другимъ мошенничествамъ, такъ какъ форма для скрытія этихъ мошенничествъ будетъ найдена тобою. Я началъ мысленно

припоминать всѣ обстоятельства совершенной кражи и понять, что эта кража сдѣлана была не вдругъ, а производилась въ теченіе извѣстнаго времени, что въ ней принимали участіе и другія лица, что изложеніе всего этого дѣла передъ общимъ собраніемъ поразило бы цѣлую шайку воровъ, и меня, какъ ножъ, рѣзала мысль, что я не могу сдѣлать этого открытія, не могу разогнать этихъ негодяевъ. Мысли, одна другой мрачнѣе, закрадывались мнѣ въ голову, и, наконецъ, я остановился на одной изъ нихъ...

— Что задумался? — слышался мнѣ твой вопросъ.

— О мерзавцахъ, разныхъ думаю, что съ ними дѣлать, — отвѣтилъ я.

— Что это ты нынче все ругаешься только, — улыбнулся ты мягкой улыбкой.

— Скоро и драться начну, — сказалъ я.

— Ну, это ужъ послѣдній способъ доказывать свою правоту, — снова улыбнулся ты.

— А какъ ты думаешь, что я могу сдѣлать, чтобы общество узнало о продѣлкахъ, совершенныхъ у насъ? — спросилъ я. — Доложить общему собранію объ этомъ помимо

правления я не могу; описать это дѣло въ газетахъ я могу, но для этого мнѣ нужно выкрасть документы отсюда, а иначе меня сочтутъ клеветникомъ, что и докажетъ въ печати само наше правленіе; наконецъ, всѣ подобныя обличенія у насъ считаются слѣдствіемъ интриги, личной неприязни, желанія попасть на мѣсто обвиняемаго, и трудно сказать, на чью сторону склоняются симпатіи общества, на сторону ли обличаемаго мошенника, или на сторону обличающаго правдолюбца. Тутъ, право, невольно придешь къ заключенію, что нужно просто избить до полусмерти или даже убить такого мерзавца, какъ этотъ воръ, чтобы попасть подъ уголовный судъ и тамъ рассказать публично все дѣло, затребовать документы, доказывающіе совершенное мошенничество, разъяснить, что все правленіе состоитъ изъ шайки тѣсно сплоченныхъ между собою воровъ, покрывающихъ и защищающихъ другъ друга...

— Что тебѣ за мысли приходятъ въ голову! — съ испугомъ сказалъ ты. — Ты окончательно испортишь себѣ карьеру...

— Карьеру, карьеру! — воскликнулъ я съ

негодованіемъ. — Мнѣ свою совѣсть хочется спасти, а не свою карьеру; съ испорченной карьерой я сумѣю смотрѣть людямъ прямо въ глаза, а съ запятнанной совѣстью я передъ подлецомъ буду краснѣть, боясь, что онъ мнѣ скажетъ: «э, братъ, да и ты тоже порядочный негодяй...» Ты, вѣроятно, знаешь, что иногда пробуждается такое чувство, что хочется какъ-нибудь доказать и себѣ, и другимъ, что поступаешь честно, когда въ глубинѣ души уже сознаешь, что дѣлаешь подлость. — вотъ отъ этого-то гаденькаго чувства я и хочу навсегда застраховать себя...

Я сказалъ послѣднія слова насмѣшливымъ тономъ, вспомнивъ твой разговоръ съ управляющимъ. Ты прошелся по комнатѣ.

— Я понимаю, что твои убѣжденія вполне честны, но нельзя же перешибить плетью обухъ, нельзя же лбомъ пробить стѣну, — проговорилъ ты. — Мы должны дѣлать то, что намъ по силамъ. Если мы зададимся мыслью истребить вездѣ и всюду зло и неправду, то въ концѣ концовъ намъ придется отказаться отъ всякой дѣятельности: намъ закроютъ доступъ на всѣ пути, и мы издохнемъ какъ соба-

ки.

— Такъ, значить, надо смотрѣть на все сквозь пальцы?

— Не на все, но есть случаи, когда иначе поступить нельзя... Вотъ ты утромъ всплилъ у управляющаго, а вѣдь ты былъ не правъ.

И ты началъ опять доказывать мнѣ, что нужно скрыть совершенное мошенничество для пользы самихъ акціонеровъ, что нужно это сдѣлать для поддержанія кредита общества нашей желѣзной дороги, что разныя раскапыванья мелкихъ закулисныхъ исторій принесутъ пользу только биржевымъ игрокамъ, спекуляторамъ и т. д.

Все это я уже слышалъ отъ управляющаго, и потому меня не изумляли твои доводы. Но меня изумило одно: ты уже дошелъ до того, что среди своей горячей рѣчи въ пользу системы укрыванья воровъ вдругъ замѣтилъ:

— Вѣдь, дѣйствуя такъ, какъ предлагаешь ты, можно дойти до того, что общее собраніе смѣнить всѣхъ директоровъ и управляющаго, а вслѣдъ за ними полетимъ со своихъ мѣстъ и мы, такъ какъ новое начаіство возьметъ и новыхъ подчиненныхъ, особенно, если оно

увидить, что эти подчиненные склонны выносить соръ изъ избы. Это вѣдь значить лишить людей куска хлѣба...

Когда ты договорилъ эту послѣднюю фразу, я повернулся къ тебѣ спиною и пошелъ къ выходу: намъ дальше нечего было говорить. Ты договорился до того, до чего договаривались взяточники старыхъ временъ, говорившіе въ свое оправданіе: «жена, дѣти». Да, если кусокъ хлѣба дѣлается человѣку дороже всего, то отчего же и не идти воровать, грабить, убивать, подличать...

— Нѣтъ, голубчикъ, у тебя нервы разстроены, тебѣ нужно отдохнуть, — говорилъ ты, слѣдуя за мною.

Потомъ ты еще что-то говорилъ мнѣ ласковымъ, дружескимъ тономъ, но я спѣшилъ одѣться и не обращалъ на тебя вниманія. На улицѣ ты протянулъ мнѣ руку на прощаньи, но я сѣлъ на дрожки и даже не взглянулъ на тебя. Ты для меня умеръ, какъ старый товарищъ, какъ единомышленникъ, какъ другъ. Передо мною стоялъ другой человѣкъ, и этого человѣка я начиналъ презирать...

«Бѣдняга, какъ онъ сталъ все преувеличи-

вать, какое общественное значеніе придаетъ онъ каждой мелочи, съ какимъ паѳосомъ онъ говоритъ о всякихъ житейскихъ пустякахъ!»

Эти восклицанія сорвутся у тебя съ языка, когда ты прочтешь все написанное мною выше, въ этомъ случаѣ ты сойдешься во мнѣніи со всѣмъ нашимъ обществомъ, такъ какъ эти восклицанія сорвутся съ языка не у одного тебя, а у каждого, такъ-называемаго порядочнаго человѣка, которому попадется въ руки это письмо. Дѣйствительно, изъ-за чего я волнуюсь, изъ-за чего кипячусь? Изъ-за того, что ты начинаешь поступать такъ, какъ поступаютъ всѣ другіе практическіе порядочные люди, что ты не плывешь съ ними по одному теченію, что ты не вступаешь въ борьбу съ тѣмъ грязнымъ потокомъ, который уже затянулъ въ омутъ биржевыхъ продѣлокъ, желѣзнодорожныхъ мошенничествъ, банковыхъ кражъ тысячи и тысячи молодыхъ жертвъ!

Стоитъ ли изъ-за этого волноваться? Вѣдь это такое будничное явленіе, вѣдь это все повторяется ежедневно, вѣдь теперь и счетъ потерянь всѣмъ этимъ практикамъ наживы,

Ковнерамъ, Струсбергамъ, Гулакъ-Артемовскимъ, Сѣдковымъ, Варшавскимъ. Коганамъ, Горвицамъ, Грегорамъ, Овсянниковымъ, Юханцевымъ. Кажется, нужно бы привыкнуть къ тому, что ихъ полчище все растетъ и растетъ, что и твой честный другъ дѣтства, и твой безупречный меньшей братъ, и твой бывшій благородный учитель, и твой нравственно неиспорченный ученикъ идутъ на ту же торную дорогу, приводящую, въ концѣ концовъ, къ милліонному состоянію или къ ссылке въ Сибирь. И общество привыкаетъ къ этому, оно почти привыкло къ этому, и только иногда какіе-нибудь сошедшіе съ ума люди, подобные мнѣ, бьютъ тревогу, волнуются, видя, какъ челоуѣкъ, еще вчера бывшій честнымъ, сегодня подаетъ руку помощи и содѣйствія мошенникамъ. Это, конечно, глупо и смѣшно въ глазахъ серьезныхъ людей, и намъ, безумцамъ, остается утѣшаться только тѣмъ, что у насъ еще осталось право давать нравственныя пощечины этимъ людямъ каждый разъ, когда они своею воровскою поступью подкрадываются къ общественнымъ богатствамъ, когда они, изгибая свою низкопо-

клонную спину, пробираются по скользкому пути къ карьерѣ, когда они еще съ краской стыда на лицѣ и чувствомъ страха въ душѣ стараются оправдать себя въ глазахъ честныхъ безумцевъ, боясь, что эти безумцы въ порывѣ сумасшествія могутъ подставить имъ ножку при первомъ ихъ шагѣ на пути подлости, низкопоклонства, мошенничества и наживы.

Ты спросишь, можетъ-быть, меня: въ чемъ я вижу главный недостатокъ въ тебѣ и въ подобныхъ тебѣ людяхъ?

Я тебѣ отвѣчу вотъ что:

Кто-то — кажется, Бёрне — сказалъ, что онъ потерялъ долю своего гражданскаго мужества и долю своей честной смѣлости, приобрѣтя фарфоровый сервизъ. Вы, порядочные люди нашего времени, не только приобрѣли эти фарфоровые сервизы, но и сознали необходимость имѣть эти сервизы, пришли къ убѣжденію, что безъ этихъ фарфоровыхъ сервизовъ вы не можете существовать. Вслѣдствіе этого, каждый вашъ поступокъ, каждый вашъ шагъ, каждое ваше стремленіе сопровождается роковымъ вопро-

сомъ: «а что будетъ съ нашими фарфоровыми сервизами, если мы сдѣлаемъ то-то и то-то?» Отвѣтъ является всегда одинъ и тотъ же: «если ты хочешь сохранить свой фарфоровый сервизъ, то ты долженъ быть осторожнымъ, ты долженъ подчиняться средѣ, ты долженъ плясать подъ дудку большинства, ты не долженъ идти навстрѣчу опасностямъ». И вы подавляете въ себѣ всѣ честные порывы, всѣ благія намѣренія, всѣ гражданскія чувства, лишь бы спасти въ цѣлости свои фарфоровые сервизы. Но дѣйствительно ли вамъ удастся сохранить свои фарфоровые сервизы навсегда или даже надолго? Нѣтъ ли такой силы, которая при всей вашей осторожности разобьетъ эти фарфоровые сервизы въ дребезги? Вспомни, что Овсянниковъ много грѣшилъ ради сохраненія своихъ фарфоровыхъ сервизовъ, — а гдѣ онъ теперь? Взгляни на этого блестящаго петербургскаго льва Юханцева; онъ ли не юлилъ, чтобы пріобрѣсти фарфоровые сервизы, — а каково ему теперь будетъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ? Каково будетъ всю жизнь притворявшейся изъ-за фарфоровыхъ сервизовъ Гулакъ-Артемовской

провести нѣсколько дней въ судѣ, пригвожденною въ скамѣѣ подсудимыхъ и не могущею удержать на своемъ лицѣ, маску, которую сорвутъ съ ея лица, чтобъ показать его публикѣ во всей его неприглядности? Или ты скажешь, что попадаются впросакъ единицы: а десятки и сотни торжественно остаются побѣдителями со своими фарфоровыми сервизами? Но, вѣрь мнѣ, что можетъ наступить день, когда будутъ спасаться изъ вашей братьи только единицы, а десятки и сотни будутъ платиться за свои продѣлки, и тогда они будутъ не только людьми, не имѣющими, подобно намъ, фарфоровыхъ сервизовъ, но и людьми, оплеванными, забросанными грязью, опозоренными. Если не вѣрить въ это, то стоитъ ли и жить?.. Вы думаете, что спокоенъ можетъ быть человекъ только тогда, когда у него уже припасены какими бы то ни было средствами фарфоровые сервизы, — а я вамъ скажу, что безстрашно и спокойно можетъ смотрѣть на будущее только тотъ, кто не запасался и не дорожилъ никакими фарфоровыми сервизами. *Nihil habeo — nihil timeo*, — это изреченіе древности было и останется ве-

ликой истиной. Недаромъ же старикъ Гете говорилъ:

*Ich hab' mein Sach auf Nichts gestellt,
Iuchhé.
Drum ist's so wohl mir in der Welt,
Iuchhé.*

Недаромъ онъ говорилъ, что весь міръ принадлежитъ только тому, кто не гонится ни за чѣмъ.

Я, можетъ-быть, не написалъ бы тебѣ этого письма, потому что самъ по себѣ ты не имѣешь теперь для меня значенія, но, обращаясь къ тебѣ, я въ сущности обращаюсь къ массѣ нашей выступающей на практической путь молодежи, потому что ты представитель извѣстнаго типа и имя ему — легионъ.

III

Письмо къ доктору

Любезный мой докторъ!

Я, право, не знаю, какъ благодарить васъ за ту заботливость обо мнѣ, которую выказали вы. Вы вчера выслушивали меня, вы уложили меня въ постель и пробовали сгибать мои ноги и руки, вы дѣлали мнѣ циркулемъ уколы на оборотъ руки, спрашивая меня, сколько уколовъ я чувствую, два или одинъ; вы пристально всматривались въ мои глаза, вы ощупывали меня, нѣтъ ли у меня железокъ, говорящихъ, что моя болѣзнь является слѣдствіемъ «старыхъ грѣшковъ»; вы спрашивали подробно о моемъ аппетитѣ, о моихъ идеяхъ, о моихъ занятіяхъ, о моемъ прошломъ и о моемъ настоящемъ, о томъ, чѣмъ умерли мои дѣдъ и бабка, мои дяди и тетки, — однимъ словомъ, вы сдѣлали все, чтобы узнать, сумасшедшій я или нѣтъ, отзываются ли на моей умственной дѣятельности «старые грѣшки» или просто малокровіе мозга доводитъ меня до состоянія

невмѣняемости. За все это я благодарю васъ, но мнѣ кажется, что всѣ ваши заботы напрасны: лѣкарства мнѣ не помогутъ, ни *cali jodati*, ни *cali bromati*, ни ртутныя втиранья съ теплыми ваннами черезъ каждые пять дней, ни отдыхъ отъ работы, ни усиленное занятіе серьезнымъ трудомъ, ни воздержаніе отъ горячительныхъ напитковъ, ни мясная пища, ни мушки, приставленные къ затылку, не спасутъ меня. Моя меланхолія растетъ и растетъ, и если бы не упадокъ воли, за который вы упрекаете меня, объ устраненіи котораго вы хлопчете, то я уже давно отправилъ бы себя къ праотцамъ. Но, къ несчастію, моя болѣзнь именно такого свойства, что я ненавижу жизнь и страстно хочу жить, что я сознаю до болѣзненности свою неизлѣчимость и мучительно хочу вылѣчиться.

— Это не сумасшествіе, это меланхолія, — говорили вы на-дняхъ одному изъ близкихъ мнѣ лицъ, думая, что я не слышу васъ.

И это близкое мнѣ лицо утѣшилось, успокоилось. Было бы лучше, если бы вы сказали ему:

— Это не сумасшествіе, это хуже

сумасшествія, — это меланхолія, отъ которой можно вылѣчить больного, перевернувъ предварительно вверхъ дномъ весь свѣтъ.

Свѣта вверхъ дномъ вы не перевернете и, значить, я такъ и останусь больнымъ до той минуты, когда настанетъ для меня минутный, вполне свѣтлый промежутокъ: въ этотъ промежутокъ, сознавъ вполне трезво неизлѣчимость своей болѣзни, я пристрѣлю себя...

Вѣдь пристрѣливаютъ же лошадей, когда онѣ переломаютъ себѣ ноги, потому что лошади, потерявшія способность употреблять на пользу общества свои ноги, такъ же не нужны людямъ, какъ люди, потерявшіе способность употреблять на пользу общества свой умъ... Когда вы спрашивали меня о причинахъ моей болѣзни, я вамъ сказалъ, что «я боленъ отъ всѣхъ причинъ». По вашему лицу скользнула улыбка, и я понялъ, что вы приняли мою фразу за слѣдствіе умственного разстройства. Я хочу теперь разъяснить вамъ ее.

Когда мнѣ было одиннадцать, двѣнадцать лѣтъ, въ нашъ домъ взяли гувернантку, жен-

щину лѣтъ тридцати. Я былъ очень красивымъ ребенкомъ, и эта женщина влюбилась въ меня. Она научила меня и теоріи, и практикѣ любви, говоря въ то же время всѣмъ и каждому, что она спасаетъ меня отъ скрытыхъ пороковъ. Это продолжалось два года.

Докторъ, не отъ этого ли я теперь схожу съ ума?

Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, мой отецъ женился во второй разъ, и мачиха, боясь лишнихъ глазъ, лишняго свидѣтеля ея продѣлокъ, заставила отца выгнать меня изъ дома. Меня отдали на полный пансіонъ въ гимназію и лишили той свободы, къ которой я уже слишкомъ сильно привыкъ. Въ гимназіи нравственность пансіонеровъ, какъ это всегда бываетъ въ закрытыхъ заведеніяхъ, была не особенно хороша, а я въ свою очередь былъ хорошею почвой для того мелкаго развратца, который царствуетъ нерѣдко среди дѣтей, запертыхъ вмѣстѣ, насмотрѣвшихся на всякую закулисную семейную грязь дома, живущихъ среди развращеннаго городского населенія. Я увлекался этимъ развратцемъ, я покучивалъ, я дурно

учился. Меня наказывали учителя, наказывалъ отецъ. Но поддержки, тщательной заботливости, терпѣливой любви я не встрѣчалъ ни въ комъ и шелъ тѣмъ путемъ, на которомъ вырабатываются червонные валеты, жильцы долгового отдѣленія, кабачные посьтители, люди, заѣденные средой. Какъ мнѣ жилось въ это время отцовскихъ пороковъ и гимназическихъ карцеровъ, не уяснить вамъ одинъ фактъ. Разъ у насъ стали перемѣнять старыя курточки на новыя, и это причинило мнѣ невыразимое горе. Я цѣловалъ свою старую куртку и не хотѣлъ ее отдать.

— Да что ты съ ума сошелъ, что ли? — спросилъ у меня одинъ товарищъ.

— Да какъ же мнѣ ее не жалѣть, — воскликнулъ я. — Она вся смочена моими слезами...

Не думайте, что я выдумываю этотъ фактъ: мой отецъ моя мачиха, мои товарищи, знающіе этотъ фактъ, могутъ засвидѣтельствовать вамъ его правдивость. Да, я дошелъ въ гимназіи до того состоянія, что сталъ ежедневно плакать и молиться о

своихъ грѣхахъ...

Докторъ, можетъ-быть, это могло не хорошо отозваться на моемъ мозгу?

Случайно, въ это время нравственнаго перелома, въ это время сознанія своихъ грѣховъ, мнѣ попался одинъ человѣкъ, сказавшій мнѣ: «съ твоими способностями стыдно быть такимъ пошлякомъ». Отъ этого человѣка я не слышалъ ничего, кромѣ упрековъ, но уже чрезъ полгода я любилъ его, какъ вѣрный песъ. Я любилъ его потому, что онъ первый сказалъ мнѣ про мой умъ, первый призналъ во мнѣ достоинства, которыхъ не замѣчалъ во мнѣ никто. Съ этимъ человѣкомъ просиживалъ я ночи, но уже не ради гульбы и разврата, а ради чтенія книгъ и толковъ о вопросахъ, о которыхъ я прежде и не думалъ. Подъ его вліяніемъ я началъ нравственно перерождаться, пересталъ кутить, сталъ серьезно работать, отецъ даже далъ мнѣ комнату въ своемъ домѣ. Это было во дни моего студенчества. Вдругъ, однажды, я пришелъ домой и засталъ отца въ своей комнатѣ: онъ сидѣлъ у печки и что-то жегъ.

— Что ты дѣлаешь, отецъ? — спросилъ я.

— Помилуй, что у тебя за рукописи, что за письма, что за книги! Я случайно заглянулъ къ тебѣ въ столъ и ужаснулся.

Я поблѣднѣлъ.

— Ты шарить у меня по столамъ? — спросилъ я.

— Я думаю, я отецъ тебѣ, а не чужой, — оказалъ онъ. — Хорошо еще, что это нашель я и могъ во-время все сжечь.

Я пришелъ въ бѣшенство и наговорилъ дерзостей отцу. Мы разстались и разстались, повидимому, навсегда.

Для меня началась нищенская студенческая жизнь: плохой уголъ, плохой столъ и плохая одежда, бѣганье по урокамъ въ грязь и холодъ, въ рваной одеждѣ, въ рваныхъ сапогахъ. Я выносилъ эту жизнь молча, стойко, смѣло. Но было одно обстоятельство, которое я не могъ перенести спокойно.

— Знаешь ли, что со мною случилось, — сказалъ мнѣ однажды мой другъ. — Мнѣ въ двухъ домахъ отказали отъ уроковъ.

— Что ты! Это почему? — удивился я.

— Въ эти дома вхожъ твой отецъ. Онъ разсказывалъ вездѣ, что я развращаю и совра-

цаю съ прямого пути юношество, что я отъявленный мерзавецъ, что я сѣю раздоры въ семействахъ. Это бы ничего: на всякое чиханье не наздравствуешься, но слухи слишкомъ далеко заходятъ. У твоего отца большія связи. Этакъ и вовсе на подножномъ корму останешься...

Докторъ, можетъ-быть, и это повліяло на складъ моего ума?

Въ одинъ прекрасный день я превратился изъ студента въ челоѵка безъ занятій, безъ надежды получить казенное мѣсто, безъ возможности кончить курсъ и даже безъ нравственной поддержки своего друга, который вдругъ выбылъ изъ Петербурга. Я началъ искать работы: я занимался корректурой, переводами, перепиской, бился, какъ рыба объ ледъ. Въ это время порвались всѣ мои товарищескія связи: одни товарищи куда-то исчезли, другіе сторонились отъ меня, какъ отъ нищаго, третьи, при встрѣчахъ со мною, наставительно говорили мнѣ, что я испортилъ себѣ карьеру, что я могъ бы съ моими талантомъ и умомъ приносить пользу, если бы я занимался наукой, а не пустыми вопросами,

что я теперь не могу принести пользы именно разрѣшенію этихъ вопросовъ, не кончивъ курса, тогда какъ они, люди степенные и ученые, будутъ служить разрѣшенію этихъ вопросовъ на практикѣ. Это меня бѣсило и мучило. Во мнѣ проснулось мелкое самолюбіе, мнѣ хотѣлось доказать имъ, что я и безъ дипломовъ могу пробить себѣ путь, и мнѣ мучительно хотѣлось найти какое-нибудь обезпечивающее въ матеріальномъ отношеніи занятіе, чтобы имѣть возможность въ свободные часы заняться серьезно наукой. Я сознавалъ, что два-три года такой работы дадутъ мнѣ возможность составить себѣ въ литературѣ имя. Въ эту пору мнѣ случайно пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ тузовъ нашего биржевого и коммерческаго міра. Я занимался въ это время въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ продажею книгъ, корректурой, чѣмъ попало. Однажды, стоя за прилавкомъ, я увидалъ этого коммерческаго туза, котораго я встрѣчалъ еще въ дѣтствѣ въ домѣ моего отца. Онъ узналъ меня, заговорилъ со мною.

— Что вамъ за охота сидѣть здѣсь за при-

лавкомъ? Съ вашими способностями можно посвятить свои силы болѣе полезной дѣятельности. Васъ приняли бы съ распростертыми объятіями вездѣ, гдѣ нужны честные и умные работники.

«Хорошо поеть, собака! Убѣдительно поеть!» Этотъ стихъ Некрасова всегда вспоминается мнѣ, когда мнѣ приходитъ на память разговоръ съ этимъ ловкимъ дѣльцомъ. Я растаялъ отъ любезностей. Еще бы! Самолюбіе пощекотали. Я отвѣтилъ, по своему обыкновенію, юмористически, что, несмотря на мои великія способности, кареты что-то никто за мною не присылаетъ съ приглашеніемъ осчастливить общество своею службою.

— Скажите только слово, и я вамъ предложу свою карету, — отвѣтилъ онъ шутливо.

Я сказалъ это слово — и черезъ двѣ недѣли я уже сидѣлъ въ правленіи желѣзной дороги, гдѣ служу до сихъ поръ. Мѣсто мнѣ сразу дали хорошее, требовавшее нѣкоторой смекалки, нѣ котораго развитія. Я быстро сдѣлался однимъ изъ лучшихъ работниковъ правленія. Опредѣлившій меня къ мѣсту тузь любезни-

чалъ со мною и даже посвящалъ меня въ свои ловеласовскія похождения. Однажды, въ минуту откровенности, онъ мнѣ сказалъ:

— А вашъ старикъ очень доволенъ, что я васъ сманилъ на мѣсто.

— Да развѣ мой фатеръ еще помнитъ о моемъ существованіи? — спросилъ я.

— Эхъ вы, молодежь. — проговорилъ онъ. — Будете отцами, сами узнаете, какъ болить сердце по дѣтямъ. Конечно, вы погорячились и ушли отъ отца, но вѣдь старикъ вамъ же добра желалъ. Разумѣется, онъ глядитъ на вещи по-своему и, желая помочь вамъ, задѣлъ въ васъ больныя стороны, задѣлъ ваши самолюбіе, стремленіе къ свободѣ и самостоятельности, но нельзя же упрекать его за то, что онъ неумѣло выразилъ свою заботливость о васъ. На него скверно дѣйствуетъ вашъ разрывъ. И то сказать, онъ старѣетъ, дряхлѣетъ и не можетъ уже такъ бодро, какъ прежде, переносить разладъ съ собственнымъ своимъ сыномъ. Вы вѣдь все-таки его гордость...

Въ этомъ духѣ говорилось много и долго; мое сердце все болѣе и болѣе умилялось. Че-

резъ недѣлю у моего покровителя произошло мое свиданіе съ отцомъ. Отецъ плакалъ, я плакалъ, покровитель плакалъ, мачиха плакала, маленькія дѣти отца плакали. Это была чувствительная картина изъ библейской исторіи: блудный сынъ возвращался въ родную семью...

Черезъ полгода мачиха начала со слезами жаловаться мнѣ, что отецъ сталъ скупъ, что онъ мало даетъ на дѣтей, что имъ нужны шубки и кафтанчики.

— Голубчикъ, милый, какъ ты добръ! — говорили мнѣ, когда я привезъ и шубки, и кафтанчики.

Меня обнимали и цѣловали. Я былъ вполнѣ счастливъ: меня любили въ родной семьѣ, я могъ оплачивать ей за эту любовь своими заботами...

— Я очень, очень радъ, что вы сошлись опять съ семьей, — говорилъ мнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мой покровитель. — Отецъ вѣдь всегда заботился о васъ, онъ и просилъ меня, чтобы я съѣздилъ повидаться съ вами, чтобы я опредѣлилъ васъ къ мѣсту, подходящему къ вашимъ способностямъ.

Я слушалъ и внутренно былъ благодаренъ отцу.

— Дѣйствительно, онъ и не могъ не волноваться за васъ, — продолжалъ мой покровитель. Всѣ его знакомые дѣлали намеки на ваше плохое положеніе, на вашу бѣдность. Всѣ обвиняли его за безсердечность. Наконецъ, это было щекотливо: онъ въ такихъ чинахъ, а старшій сынъ сидитъ гдѣ-то въ лавчонкѣ за прилавкомъ... И то сказать, теперь вы можете стать полезны семьѣ: вашъ отецъ, несмотря на свой чинъ, получаетъ относительно мало, вы, попавъ на выгодное мѣсто, можете не мало помочь младшимъ братьямъ, и въ случаѣ его смерти все же поддержите семью. Это его очень беспокоило...

Я упалъ съ неба на землю, я очнулся отъ радужнаго сна въ міръ грязныхъ и пошлыхъ расчетовъ...

Докторъ, мнѣ иногда кажется, что и это могло отозваться на моемъ психическомъ состояніи...

Можетъ-быть, вы скажете, что я, какъ человекъ, страдающій меланхоліей, вижу все въ мрачномъ свѣтѣ и изображаю себя каки-

мъ-то бѣднымъ Макаромъ подѣ валяющимися на него шишками. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я не мученикъ, не страдалецъ, моя жизнь была полна и веселыхъ, и свѣтлыхъ минутъ. Кутежи съ товарищами, когда въ накуренной комнатѣ лилась водка, лилось пиво, лилось вино; загуль съ падшими женщинами, когда въ тяжелой атмосферѣ ихъ домовъ слышались хмельныя пѣсни, шелъ хмельной плясъ, раздавались хмельные поцѣлуи; наслажденія театромъ въ тридцатиградусной температурѣ райка, откуда съ кучкой пріятелей мы шли обсуждать пьесу за кружками пива, шумя и споря до бѣлаго дня, все это испыталъ и я, какъ испытываютъ всѣ городскіе юноши-бѣдняки, не имѣющіе около себя ни честной семьи, ни серьезнаго кружка, связаннаго серьезнымъ дѣломъ...

Но, докторъ, я сильно боюсь, что и эти радости влили капельки яда въ мой разстроенный мозгъ.

Взвѣсьте все сказанное мною, призадумайтесь надъ жизнью бѣдной городской молодежи, чтобы дополнить недосказанное мною, и найдите лѣкарство, которое могло бы смыть

въ моемъ организмѣ слѣды всего этого про-
шлаго, — и я буду здоровъ...

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи къ
вамъ.

IV

Письмо безъ заголовка

За мной слѣдятъ, меня развлекаютъ. . . . . Меня уговариваютъ, и все это дѣлается ради того, чтобы я не прикончилъ съ собою. Они воображаютъ, что они этимъ выказываютъ свою любовь ко мнѣ. Но если бы они знали, какую пытку я выдерживаю въ каждый лишній день жизни, — они сами дали бы мнѣ бритву, револьверъ или веревку и сказали бы: «успокойся!» Я долженъ, наконецъ, откровенно сознаться, что меня сводить съ ума.

Наше время — время погони за наживой, мошенническихъ поставокъ, злостныхъ банкротствъ, громадныхъ кражъ, безумныхъ аферъ, биржевой игры, Варшавскихъ, Гулакъ-Артемовскихъ, Овсянниковыхъ, Юханцевыхъ. Нужно быть крайне осторожнымъ, крайне недоувѣрчивымъ, крайне осмотрительнымъ человекомъ, чтобы не попасть какъ-нибудь случайно въ кашу, завариваемую разными червонными валетами, дамами и

тузами, и не разыграть крайне непривлекательную роль дурачка или негодяя на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля или подсудимаго по дѣламъ этихъ господъ. Человѣку честному и самолюбивому, случайно запутанному въ подобное дѣла, остается нерѣдко одинъ исходъ — смерть, и, я думаю, не одно самоубійство совершилось именно потому, что подобные люди нерѣдко попадали въ эту грязь, завязали въ ней по уши и, боясь позора, спѣшили сойти со сцены жизни. Я, по крайней мѣрѣ, именно потому не могу долѣе жить. Я расскажу теперь подробно, свою поучительную исторію.

Лѣтъ шесть тому назадъ, я встрѣтился съ человѣкомъ, про котораго ходили слухи, что это честный человѣкъ, что это человѣкъ съ широкими планами, что это чуть не будущій спаситель отечества. Въ первое же время знакомства съ нимъ я узналъ, что онъ устраиваетъ какія-то артели, что онъ хочетъ удешевить народныя книги, что онъ хочетъ устранить издательскую эксплоатацію, что онъ хочетъ поставить на новыя начала наше банковое дѣло. Когда онъ говорилъ — голова кру-

жилаась отъ его замысловъ. Ворочая большими дѣлами, онъ самъ жилъ до послѣдней степени просто, онъ помогаль, кому могъ, онъ выглядѣль какимъ-то безсребренникомъ. Со мной онъ сошелся сразу, откровенно, дружески, какъ онъ сходилъ со всѣми въ качествѣ простой широкой русской природы. Я сталъ ему помогать въ его предпріятіяхъ, видя ихъ полезную сторону.

— Эхъ, голубчикъ, все это идетъ отлично и все это должно рухнуть завтра изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, — сказалъ онъ мнѣ однажды.

Онъ былъ взволнованъ и блѣденъ.

— Что случилось? — спросилъ я.

— Да то, что нужны деньги, а денегъ нѣтъ, — сказалъ онъ. — Впрочемъ, это участь всѣхъ великихъ предпріятій, когда думаешь не о наживѣ, а объ общественной пользѣ. Будь-ка деньги у Песталоцци, у Ланкастера, у Оуэна, у Фурье, развѣ то бы осталось отъ нихъ, что мы видимъ теперь.

Онъ тревожно ходилъ по комнатѣ, и потиралъ себѣ лобъ.

— Да неужели же нельзя нигдѣ достать де-

негъ? — спросилъ я.

— Я и то придумываю, какъ бы извернуть-ся на время, — сказалъ онъ. — Видите ли что: можно застраховать чью-нибудь жизнь и потомъ подъ эту страховку занять деньги въ одномъ изъ банковъ...

— Но кто же дастъ деньги подъ такую страховку? — замѣтилъ я.

— Дадутъ!

Онъ назвалъ мнѣ банкъ, гдѣ у него были знакомые директора и гдѣ охотно дали бы деньги подъ такое обезпеченіе. Кромѣ того, онъ сказалъ мнѣ, что если бы нѣсколько человекъ изъ нашего кружка сдѣлались членами этого банка, то намъ открылся бы въ банкѣ кредитъ въ десять разъ болѣе внесенной нами суммы. При этомъ у насъ въ рукахъ очутились бы большія суммы и мы могли бы начать свои предпріятія въ громаднѣхъ размѣрахъ. Широкіе планы развернулись передо мною во всей своей привлекательности, и прожектеръ доказалъ мнѣ, какъ дважды два четыре, что я могу принести неисчерпаемую пользу обществу.

— У насъ только смѣлости,

предпріимчивости нѣтъ. Мы сидимъ, сложа руки, и высиживаемъ скуку, когда нужно работать и дѣйствовать, — говорятъ онъ съ жаромъ. — Вотъ почему мошенники и люди наживы и захватываютъ дѣло въ свои руки. Право, иногда, смотря на апатію и на трусость окружающихъ, бросилъ бы все и уѣхалъ бы въ Америку... Вѣдь вы подумайте, сколько пользы мы могли бы принести, если бы у насъ было побольше энергіи...

Онъ говорилъ горячо и много: черезъ недѣлю я уже застраховалъ свою жизнь, заложилъ страховку, вступилъ членомъ въ банкъ, занялъ деньги. Это все совершилось, какъ волшебный сонъ, по щучьему велѣнью энергичнаго фантазера. Началась дѣятельность составителя широкихъ плановъ. Я усердно помогаль ему, видя честность его намѣреній...

Черезъ два года Петербургъ былъ изумленъ однимъ изъ тѣхъ грандіозныхъ банкротствъ, при которыхъ люди спрашиваютъ другъ друга: «Да что же мы пьяны были, что ли, когда давали этому человѣку деньги, или ужъ мы такіе дураки, что насъ каждый на-

дуть можетъ». Достаточно сказать, что составитель широкихъ плановъ успѣлъ надѣлать долговъ на семьсотъ тысячъ, пустить по-міру десятокъ людей, разорить двухъ богачей, поставить въ неловкое положеніе два акціонерныя общества. Я въ это время уже служилъ въ правленіи желѣзной дороги и былъ внезапно пораженъ повѣсткою изъ банка о томъ, что я состою поручителемъ по векселямъ на три тысячи и, кромѣ того, долженъ банку по заложенной страховкѣ двѣ тысячи. Я въ первую минуту потерялъ голову: отказаться платить, значило попасть въ скверную исторію, потерять мѣсто, поплатиться, можетъ-быть, свободой, скомпрометировать фамилію отца; заплатить долгъ — на это у меня не было средствъ, и я могъ предложить банку только одно — вычесть изъ моего жалованья денегъ на уплату долга. Директора банка, скомпрометировавшіе себя допущеніемъ подобныхъ сдѣлокъ, обрадовались моему предложенію и написали мнѣ, чтобы я попросилъ кого-нибудь написать новые векселя на пять тысячъ, на которыхъ я поставлю свою поручительскую подпись; затѣмъ они при-

шлють мнѣ обратно мой вексель въ три тысячи и уничтожатъ залогъ страхованія въ двѣ тысячи, далѣе я буду уплачивать по частямъ деньги по векселю. Вексель нужно было выдать не болѣе какъ на полугодовой срокъ, а черезъ полгода нужно было обмѣнить его на новый вексель въ ту сумму, какую я буду долженъ послѣ сдѣланныхъ мною въ теченіе полу года взносовъ. Я согласился на все, лишь бы избѣжать огласки, суда, лишенія мѣста. Но, давъ свое согласіе на эту сдѣлку, я остановился на мысли: кто рѣшится написать вексель? Мои знакомые всѣ бѣдняки; мой отецъ никогда не напишетъ такого векселя; просить кого-нибудь изъ начальства было неловко и неудобно, такъ какъ тогда я попалъ бы въ руки этого начальства, какъ крѣпостной, да, можетъ-быть, никто изъ нихъ и не согласился бы на эту услугу; наконецъ, кто бы ни написалъ этотъ вексель, я буду мучиться и бояться, что я умру и подведу другое лицо подъ отвѣтственность, заставлю его уплатить пять тысячъ. Не мало безсонныхъ ночей провелъ я въ эту пору: мой умъ мутился, меня бил лихорадка. Наконецъ, я рѣшился: я сѣлъ за

письменный столъ и написалъ вексель не своею рукою, измѣненнымъ почеркомъ отъ имени Ивана Петровича Федорова: на оборотъ я написалъ своимъ почеркомъ свою фамилію. Если бы кто-нибудь зналъ, что за страшные дни пережилъ я, ожидая отвѣта изъ банка, куда посланъ былъ этотъ вексель. Черезъ пять дней отвѣтъ получился: мой новый вексель приняли. У меня отлегло на душѣ. Черезъ шесть мѣсяцевъ я получилъ изъ банка снова письмо, въ которомъ просили меня выслать новый вексель въ пять тысячъ и получить обратно старый. Въ пять тысячъ? Но, вѣдь, я же уплачивалъ деньги въ теченіе шести мѣсяцевъ? Это вѣрно ошибка. Я написалъ объ этомъ въ банкъ. Мнѣ отвѣтили, что я дѣлалъ взносы, равняющіеся какъ разъ только процентамъ по векселю... Меня бросило въ жаръ. Значить, я или долженъ отдавать чуть не все жалованье, или я вѣчно буду долженъ пять тысячъ. Но, кромѣ этого, меня мучило еще одно обстоятельство: въ банкѣ перемѣнились директора, и они могли попристальнѣе взглядѣться въ мой новый вексель, значить, нужно было потщательнѣе

измѣнить руку и написать вексель отъ имени
какого-нибудь болѣе или менѣе значительна-
го по чину лица, а не просто отъ имени како-
го-нибудь купца Ивана Ивановича... Долго я
старался надъ написаніемъ этого векселя отъ
имени какого-то дѣйствительнаго статскаго
совѣтника Петра Васильевича Челищева. Еще
болѣе трусилъ я, пославъ этотъ вексель въ
банкъ. Его приняли опять. Но во мнѣ уже на-
чинали появляться какія-то странности: мнѣ
хотѣлось забыться, я то ѣздилъ почти еже-
дневно въ театры, то пилъ; то покупалъ кни-
гъ и зачитывался до одурѣнія. Мнѣ словно
хотѣлось уйти отъ самого себя, отъ мысли о
будущемъ. Прошло и еще полгода. Я получи-
лъ опять извѣщеніе о перемѣнѣ векселя и на-
шелъ въ письмѣ приписку о томъ, что, при-
сылая векселя неизвѣстныхъ банку лицъ, я
долженъ помѣчать адресъ ихъ
мѣстожителства, чтобы, въ случаѣ моей
смерти или чего-нибудь подобнаго, банкъ
зналъ, куда обратиться къ векселедателю...
Да вѣдь это же пытка, невыносимая пытка!
Мои нервы не выдержали, и я расплакался,
какъ ребенокъ, какъ женщина... Среди этихъ

сценъ засталъ меня одинъ изъ моихъ друзей, и я признался ему во всемъ.

— Давай, я напишу вексель, — сказалъ онъ.

Это было сказано просто, честно, и я ожилъ на минуту. Онъ сказалъ мнѣ, что, по его мнѣнію, это пустяки, что не умру же я въ эти полгода, что не откажусь же я въ это время платить, что онъ не рискуетъ ничѣмъ. Онъ былъ правъ, и я согласился. Но когда я послалъ вексель, я началъ мучиться еще болѣе: я боялся самой легкой простуды, мнѣ все казалось, что я не выживу эти полгода, что я подведу моего друга. Кромѣ того, въ концѣ полугодія явился вопросъ: «А кого же я стану просить теперь подписать вексель? Много ли у меня такихъ друзей, какъ этотъ другъ? Я пришелъ къ заключенію, что нужно опять поддѣлывать векселя. А что, если банкъ сдѣлаетъ справку по адресу векселедателя и узнаетъ обманъ? Не привлекутъ ли меня къ суду? Новымъ директорамъ это будетъ выгодно, такъ какъ, обличивъ меня, они могутъ разомъ получить мой долгъ съ прежнихъ директоровъ, которыхъ обвинять за дурное

ведение дѣлъ банка. Въ эти дни въ моей головѣ мелькнула впервые мысль о самоубійствѣ, не оставляющая меня теперь ни на минуту...

* * *

На этомъ мѣстѣ обрывается это недоконченное письмо, писанное неизвѣстно къ кому. Я могу только добавить къ этому, отрывку отъ себя одно: въ одномъ изъ іюльскихъ номеровъ петербургскихъ газетъ было сообщено, что Иванъ Протопоповъ, такъ звали автора этихъ писемъ, въ припадкѣ меланхоліи бросился въ Неву и, несмотря на подоспѣвшую къ нему на спасеніе помощь, утонулъ...

Трупъ не былъ разысканъ. Впрочемъ, и на что?..

1886